Планета Трилллафон по отношению к Плохому

Дэвид Фостер Уоллес

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Этот текст Уоллес написал где-то в 22 года и опубликовал в универском журнале. Текст целиком посвящен черной, гнетущей депрессии. Впрочем, здесь она другого рода, нежели в «Женщине».

- Дэвид Фостер Уоллес
  -
  -
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

Дэвид Фостер Уоллес
Планета Триллафон по отношению к Плохому

The Planet Trillaphon As It Stands In Relation To The Bad Thing by *David Foster Wallace*

Я на антидепрессантах уже, ну сколько, где-то с год, и думаю, я вполне компетентен, чтобы рассказать, на что они похожи. Они хорошие, правда. Но хорошие в том же смысле, как, скажем, жить на другой планете, где тепло, удобно, есть еда и вода — хорошо: все хорошо, но, очевидно, это уже не старая добрая Земля. Я не был на Земле уже почти год, потому что там мне жилось не очень. Теперь мне живется в чем-то получше тут, на планете Триллафон, а это, думаю, хорошие новости для всех заинтересованных.

Антидепрессанты мне прописал очень славный доктор по имени доктор Кабламбус, в больнице, куда меня отправили почти сразу после правда очень нелепого инцидента с электрическими приборами в ванной, о котором мне правда не хочется много рассказывать. После этого глупого случая мне пришлось лечь в больницу для физического ухода и лечения, и через два дня меня перевели на другой этаж, выше, белее, где работали доктор Кабламбус и его коллеги. Также рассматривалась возможность направить меня на ЭКТ — это сокращенно от «Электроконвульсивная Терапия», — но из-за ЭКТ стирается память — небольшие детали вроде имени и где живешь, и т. д. — да и в других отношениях это совершенно ужасная вещь, и мы — я и мои родители — решили отказаться. В Нью-Гемпшире, штате, где я живу, есть закон, по которому ЭКТ нельзя назначать без согласия родителей. Я расцениваю его как прекрасный закон. Так что вместо ЭКТ доктор Кабламбус, который правда желал для меня только лучшего, прописал антидепрессанты.

Если кто-то рассказывает о своем путешествии, по меньшей мере ждешь объяснения, почему он его прекратил. Держа это в уме, я расскажу, почему на Земле какое-то время мне жилось не очень. Это очень странно, но три года назад, заканчивая старшую школу, я начал страдать от, как я теперь понимаю, галлюцинации. Мне казалось, будто у меня на лице, на щеке, рядом с носом, открылась огромная рана, правда огромная и глубокая… будто кожа лопнула, как на прогнившем фрукте, и

оттуда вытекает кровь, темная и блестящая, и еще было четко видно вены и кусочки желтого жира и красно-серых мускулов и даже яркие проблески кости. Когда бы я ни посмотрел в зеркало — она была там, эта рана, и я постоянно чувствовал судорогу обнаженных мускулов и тепло крови на щеке. Но когда я говорил врачу или маме или еще кому-то «Эй, смотри, какая у меня рана на лице, мне лучше пойти в больницу», они отвечали «У тебя на лице нет никакой раны, с глазами все в порядке?» И все же, когда бы я ни посмотрел в зеркало — она была там, и я всегда чувствовал тепло крови на щеке, и если трогал пальцами, чувствовал, как они проваливаются реально глубоко в то, что на ощупь казалось горячим желатином из костей, жил и всего такого. И казалось, что все на нее смотрят. Казалось, все на меня странно пялятся, и я думал: «О боже. Они все видят и им очень неприятно. Надо спрятаться, быстрее убираться отсюда». Но, наверное, пялились на меня все потому, что казалось, будто мне страшно и больно, и я все подносил руку к лицу и постоянно шатался, будто пьяный. Но тогда все казалось таким реальным. Странно-странно-странно. Прямо перед выпуском — или, может, за месяц до него — все стало совсем плохо, настолько, что когда я касался рукой лица, видел на пальцах кровь, кусочки тканей и все такое, и даже чувствовал запах крови, как горячий ржавый металл и медь. Так что однажды вечером, когда родители куда-то ушли, я взял иголку и какие-то нитки и попытался сам зашить рану. Было очень больно, потому что, конечно, у меня не было никаких обезболивающих. Еще это, очевидно, было неправильно, ведь, как я теперь знаю, на самом деле никакой раны там не было, совсем. Мама с папой совсем не обрадовались, когда вернулись домой и увидели, что я теперь весь в настоящей крови и с кучей неровных непрофессиональных стежков на лице. Они правда расстроились. А еще стежки получились слишком глубокими — я, оказывается, вставлял иголку невероятно глубоко — и когда в больнице стали удалять швы, оказалось, чтотам застряли кусочки нитки, и это место инфицировалось, и потом в больнице пришлось сделать мне *реальную* рану, чтобы все вытащить, осушить и прочистить. Это было очень иронично. Еще, глубоко зашивая рану, я, видимо, задел и уничтожил какие-то нервы в щеке, так что теперь лицо иногда без всякой причины немеет, а рот слева иногда немножко провисает. Я точно знаю, что он свисает и что у меня теперь есть милый шрамик, вот тут, не только потому, что смотрелся в зеркало, сам видел и чувствовал; об этом мне говорили и другие, хотя и очень тактично.

В общем, думаю, в том году все начали понимать, что я несчастный маленький солдатик, даже я сам. Поговорив и

посовещавшись, мы решили, что, возможно, для меня было бы лучше, если бы я отложил поступление в Университет Браун на Род-Айленде, куда уже был готов отправляться, и вместо того поучился бы еще годик по поствыпускной программе в очень хорошей и престижной и дорогой подготовительной школе под названием Академия Филипса в Экзетере, удобно расположенной прямо в моем родном городе. Так я и сделал. И по всем признакам это было очень успешное время, не считая того, что я был еще на Земле, а на Земле мне становилось все нехорошей, хотя лицо и пошло на поправку и я более-менее перестал видеть галлюцинацию кровавой раны, не считая коротких мигов, когда замечал зеркала краем глаза и все такое.

Но да, в целом тогда мне становилось все хуже, хотя я очень неплохо справлялся в новой школе с поствыпускной программой, и все говорили: «Ничего себе, ты же очень хороший студент, тебе надо немедленно поступать, почему медлишь?» Но мне тогда было довольно ясно, что в университет мне *нельзя*, но ответить людям из Экзетера, почему, я не мог, потому что это не было связано с решением уравнений по химии или анализом стихотворений Китса по английскому. Им только оставалось смириться, что я несчастный маленький солдатик. Я сейчас правда не горю желанием во всех жутких подробностях описать все те миленькие неврозы, что более-менее в это время начали возникать у меня в мозгах, словно морщинистые серые нарывы, но кое-что скажу. Во-первых, меня часто рвало, постоянно правда тошнило, особенно когда я просыпался по утрам. Но вообще это могло включиться в любой момент, стоило только подумать. Если я себя нормально чувствовал, я вдруг думал: «Эй, а меня совсем не тошнит, надо же». И оно тут же включалось, как будто между мозгом и горячим и слабым желудком с кишками был большой белый пластиковый выключатель, и меня вдруг тошнило в тарелку на ужине, или на парту в школе, или на сиденье машины, или в кровати, или где бы то ни было. Остальным это казалось правда очень абсурдно, а мне было очень неудобно, что поймет любой, кого хоть раз правда тошнило. Продолжалось это довольно долго, и я сильно похудел, что плохо, ведь я изначально был не очень крепкий. Еще я прошел множество медицинских тестов желудка, включая вкуснейшие напитки из бария и подвешивание вверх ногами для рентгена, и тому подобное, и однажды мне даже делали спинномозговую пункцию, и было больно, как никогда в жизни, ни за что больше не соглашусь на спинномозговую пункцию.

Еще была проблема со слезами без причин, что было безболезненно, но довольно неудобно и довольно страшно,

потому что я не мог их контролировать. Я начинал плакать без причин, а потом как бы пугался, что уже никогда не смогу остановиться, а это состояние страха в свою очередь активировало другой белый переключатель между горячими глазами и мозгом с нарывами, и я рыдал еще сильней, как когда катишься на скейтборде, все толкаясь и толкаясь. Это было очень неудобно в школе, а с семьей просто невероятно неудобно, потому что они думали, что это они виноваты, они что-то сделали не так. Невероятно неудобно было и с друзьями, но, правда, к этому времени у меня уже осталось не очень много друзей. Так что это был даже плюс, почти что. Но остальные никуда не делись. У меня были кое-какие трюки относительно «проблемы с плачем». Когда рядом были другие люди и глаза становились горячими и наливались обжигающей соленой влагой, я притворялся, что чихаю, или — даже чаще — что зеваю, потому что и то, и другое может объяснить появление слез. Люди в школе наверняка считали, что я самый сонный человек в мире. Но на самом деле зевки не совсем объясняли факт, что слезы так и льются по щекам, капают на колени или парту или оставляют влажные морщинки в форме звезд на контрольных работах и всем таком, да и нечасто от зевков глаза становятся супер-красными. Так что, наверное, это были не такие уж эффективные трюки. Еще непонятней, что даже сейчас, здесь, на планете Триллафон, когда я все это вспоминаю, я так и слышу щелчок выключателя, и глаза начинают более-менее наполняться, а горло пощипывать. Это плохо. Также была проблема, что тогда я не выносил тишины, реально совершенно не выносил. Потому что, когда не было звука снаружи, волоски на барабанных перепонках или где там еще производили звук сами, чтобы было, чем заняться или типа того. Высокий, переливающийся, металлический, блестящий гул, который почему-то пугал меня насмерть и просто с ума сводил, как сводит с ума, если лежишь в кровати летней ночью и слышишь комара у уха. Я стал искать хоть какой-нибудь звук, как мотыльки ищут света. Спал с радио, смотрел невероятно много ТВ со громкостью на максимум. Всегда держал при себе верный Сони Волкмэн — в школе, на прогулках и для поездок на велосипеде (этот Сони Волкмэн — пока что мой лучший рождественский подарок). Я даже иногда разговаривал сам с собой, когда больше не было источников звука, что наверняка казалось безумным тем, кто меня видел, и что, полагаю, и *было* очень безумно, но не в том смысле, как они думали. Я не считал, что был двумя людьми, которые могут вести диалог, и не слышал голоса с Венеры, или еще что. Я знал, что я только один, но этот один, конечно, был маленьким раненым солдатиком, который не

мог противостоять ни серому веществу, ни производимому им звуку в собственной голове.

В общем, вот такая со мной творилась восхитительная ерунда и пока я хорошо учился и радовал успехами в школе моих иначе весьма обеспокоенных и совсем не радостных родителей, и потом, когда в следующее лето работал в Экзетер Билдинг и отделе благоустройства школы, подрезая кусты, плача и аккуратно блюя на них, и пока упаковывался и получал в подарок от дедушки с бабушкой одежду и электрические приборы на миллиарды долларов, собираясь к переезду в Университет Браун на Род-Айленде в сентябре. У мистера Фильма, который более-менее был моим начальником в «B and G»[1], была загадка, которую он считал невероятно смешной и часто мне рассказывал. Он спрашивал: «Что такое цвета диареи?» И когда я ничего не отвечал, он говорил: «Браун! хар хар хар!»[2] Он смеялся, а я улыбался даже после четырехтриллионного раза, потому что в целом мистер Фильм был хорошим человеком, и он даже не разозлился, когда меня однажды стошнило в его машине. Я сказал ему, что шрам получил, когда порезался в старшей школе. Что в основном правда.

Итак, осенью я поступил в Университет Браун, и там оказалось примерно так же, как и на ПВ-программе в Экзетере: вроде должно быть трудно, но на деле просто, так что у меня было много времени хорошо учиться и выслушивать, как мне говорят «Выдающийся студент», и при этом быть невротичным и адски странным, так что мой сосед по комнате, который был приятным, до скрипа здоровым парнем из Иллинойса, по понятным причинам попросил одиночную комнату и съехал через пару недель, оставив меня одного в большой комнате. Так что теперь в комнате были только я и электрическое шумопроизводящее оборудование примерно на девять миллиардов долларов.

Как раз вскоре после того, как съехал сосед, и началось Плохое. Плохое — и есть более-менее причина, по которой я больше не на Земле. Доктор Кабламбус сказал мне, когда я объяснил, как мог, про Плохое, что Плохое — «тяжелая клиническая депрессия». Уверен, доктор из Брауна сказал бы мне тоже самое, но я там никого не посещал, в основном потому, что боялся, что стоит мне заговорить об этом контексте, как пойдут слухи и я точно окажусь там, где в итоге оказался после до смешного нелепого и глупого случая в ванной.

Я правда не знаю, правда ли Плохое — депрессия. Раньше я как бы всегда думал, что депрессия — просто очень сильная печаль, как бывает, когда умирает очень хорошая собака, или в

«Бэмби» убивают маму Бэмби. Я думал, что это когда грустишь или даже немного поплачешь, если ты девочка, и говоришь «Ничего себе, я правда в депрессии, вот», и потом приходят друзья, если есть, и поднимают настроение или вытаскивают и ты напиваешься, и на следующее утро депрессия уже в приглушенных тонах, и через пару дней испаряется совсем. Плохое же — что, как я думаю, настоящая депрессия на самом деле — совсем другое, и неописуемо хуже. Наверное, мне стоит лучше сказать «отчасти неописуемо», потому что за последние пару лет я слышал, как некоторые описывали «настоящую» депрессию. Очень говорливый парень по телевизору сказал, что некоторые связывают ее с пребыванием под водой, под такой водой, у которой нет поверхности, по крайней мере для тебя, так что неважно, в каком направлении поплывешь — везде только вода, нет свежего воздуха и свободы движения, только ограничения и удушение, и нет света. (Не знаю, подходит ли, что депрессия — это как быть под водой, но, может, представьте момент, когда осознаешь, что *для тебя поверхности нет*, что ты просто утонешь и неважно, куда плыть; представьте, как вы себя будете чувствовать в этот самый момент, как Декарт в начале той второй штуки[3], а потом представьте, что это восхитительное удушающее напряжение длится часами, днями месяцами… это больше подходит). Правда прекрасная поэтесса по имени Сильвия Плат, которой, к сожалению, больше нет с нами, сказала, что это как быть под стеклянным колпаком, и из-под него выкачали весь воздух так, что больше не можешь вздохнуть (и представьте момент, когда ваше движение невидимо останавливает стекло и вы осознаете, что вы *под стеклом*…) Кто-то говорит, что это как когда за тобой и под тобой всегда следует огромная черная дыра без дна, черная, черная дыра, может, со смутно различимыми зубами, и ты — часть этой дыры, так что падаешь всегда, где бы ни стоял (…а может, момент, когда осознаешь, что ты — дыра и ничего больше…)

Я не очень говорливый, но расскажу, на что, по-моему, похоже Плохое. Для меня это как когда тебя совершенно, абсолютно, крайне тошнит. Попытаюсь объяснить, что я имею в виду. Представьте, что вас сильно тошнит. Почти у каждого или каждой когда-нибудь болел живот, так что все знают, на что это похоже: совсем невесело. Так. Так. Но это ощущение локализовано: оно более-менее в животе. Теперь представьте, что так тошнит все тело: ноги, большие мышцы на ногах, ключицу, голову, волосы, все, и точно так же, как живот. Теперь, если представили, пожалуйста, представьте тошноту еще распространенней и тотальней. Представьте, что каждую

клеточку в вашем теле, каждую отдельную клеточку тошнит, как тошнит от больного живота. Не только ваши клетки, но и кишечные палочки, лактобациллы, митохондрии, базальные тельца, всех тошнит и все кипят и горят, в шее, мозгу, везде, всюду. Все адски *тошнит.* Теперь представьте, что каждый атом каждой клетки в вашем теле тошнит так же, тошнит, невыносимо тошнит. И каждый протон и нейтрон в атоме раздулся и дрожит, потеряв цвет, и ни единого шанса стошнить, чтобы ослабить чувство. Каждый электрон тошнит, вот, они теряют баланс и неустойчиво носятся, как в сумасшедшем доме, по орбитам, толстым, из пестрых желтых и сиреневых ядовитых газов, все потеряло равновесие и разболталось. Кварки и нейтрино сошли с ума и, больные, прыгают повсюду, скачут, как сумасшедшие. Только представьте, как тошнота абсолютно распространяется по каждой вашей частичке, и даже по частичкам частичек. Так что само ваше… само *существо* можно описать лишь как проявление тошноты; вы со своей тошнотой, как говорится, «едины».

Вот что такое Плохое в своей сути. Все в вас тошнит и чувствуется нелепо. И так как вы можете знакомиться с миром только через органы чувств и разум и т. д. — и раз эти части тоже адски тошнит — весь мир, как вы его знаете и познаете, фильтруется этой плохой тошнотой и становится плохим. И в вас все становится плохим, все хорошее выходит из мира, как воздух из большого пробитого воздушного шарика. В мире больше нет ничего, кроме ужасных запахов гниения, печали и гротеска и зловещих видов в пастельных тонах, резких или печальных до смерти звуков. Невыносимые бесконечные ситуации тянутся в континууме без всякого конца… Невероятно глупые, безнадежные идеи. И так же, как, когда болит живот, страшно, что боль может никогда не уйти, так пугает и Плохое, только куда хуже, потому что и сам страх профильтрован плохой болезнью и становится больше и хуже и голоднее, чем был в начале. Разрывает на части, ныряет в кишки и ковыряется там.

Потому что Плохое не только нападает и делает плохо и выводит из строя, оно в особенности нападает и делает плохо и выводит из строя именно то, что нужно, чтобы бороться с Плохим, чтобы стало легче, чтобы остаться в живых. Это трудно понять, но это реально правда. Представьте правда мучительную болезнь, которая, скажем, заражает ваши ноги и горло и приводит к правда жуткой боли и параличу и повсеместной агонии в этих местах. Тут, очевидно, и самой болезни хватает, но она еще и бесконечна; вы ничего не сможете с ней поделать. Ноги парализованы и адски болят… но вы не можете побежать за помощью бедным ножкам, потому что именно они и болят так,

что никуда не убежишь. Горло ужасно жжет, и кажется, что оно взорвется… но вы не можете позвать врачей или еще кого на помощь, потому, что именно горло слишком болит, чтобы говорить. Вот как действует Плохое: оно особенно хорошо в нападении на механизмы защиты. Ясно, что бороться с Плохим или спастись от него можно, только думая по-другому, споря с собой и переубеждая, чтобы изменить фильтр познания, восприятия и обработки всего. Но для этого нужен разум, клетки разума с атомами, и сила воли и все такое, твоя *суть*, а именно ее слишком тошнит от Плохого, чтобы работать. Именно это все и тошнит. Плохо так, что не может стать лучше. И начинаешь думать об этой довольно жестокой ситуации и говоришь себе: «Ой-ой-ой, как же Плохому это все удается?» Думаешь изо всех сил, ведь это в твоих же лучших интересах — и вдруг внезапно на тебя снисходит… что Плохому это все удается, потому что Плохое — это *ты* и есть! Плохое — это ты. Ничто иное: ни бактериологическая инфекция, ни удар по голове доской или дубиной в раннем детстве, ни любое другое оправдание; ты сам и есть болезнь. Это то, что тебя «определяет», особенно когда пройдет немного времени. Все это осознаешь, вот. И это, наверное, если ты особо говорливый, и есть, как когда осознаешь, что у воды нет поверхности, или когда тыкаешься носом в стекло купола и видишь, что ты в ловушке, или когда смотришь на черную дыру, а у нее твое лицо. Вот когда Плохое проглатывает тебя полностью, или, вернее, ты проглатываешь полностью сам себя. Когда убиваешь себя. Люди кончают с собой, когда у них «тяжелая депрессия», и мы говорим: «Боже мой, надо что-то сделать, чтобы они не кончали с собой!» Это неправильно. Потому что все они, понимаете ли, к этому времени *уже* убили себя там, где это считается. К моменту, когда они заглатывают целые медицинские шкафчики или засыпают в гараже или еще что — они уже давно убили себя. Когда они «совершают самоубийство» — они всего лишь последовательны. Они лишь реализуют то, что уже существует или существовало в них все это время. Если это все осознаешь, то понимаешь, что действительно бывает вариант саморазрушения в практических целях. В такой ситуации больше поделать нечего, только «формализовать» ее, или, если не очень этого хочется, выбрать «ЭКТ» или улететь с Земли на какую-нибудь другую планету, или еще что-нибудь такое.

В любом случае, это и так больше, чем я собирался рассказать о Плохом. Даже сейчас, хотя я уже много думал и интроспектировал и все такое, я чувствую, как оно тянется ко мне, хочет испоганить мои электроны. Но я больше не на Земле.

Я продержался первый небольшой семестр в Университете Браун и даже получил стипендию как очень хороший студент-новичок по экономике, двести долларов, которые разумно потратил на марихуану, потому что от марихуаны не чувствуешь боль в животе и не тошнит. Это правда: ее даже иногда дают тем, кто проходит химиотерапию. Со времени учебы в подготовительной школе я выкурил много марихуаны, чтобы не тошнило, и мне часто помогало. Но от тошноты атомов она просто отскакивала. Плохое только смеялось над ней. К концу семестра я был очень несчастным маленьким солдатиком. И скучал по старым золотым денькам, когда у меня всего лишь текла кровь из лица.

В декабре мы с Плохим сели на автобус, чтобы отправиться с Род-Айленда в Нью-Гемпшир на каникулы. Было невероятно весело. Только сразу на выезде из Провиденса, Род-Айленд, водитель автобуса перед поворотом налево был невнимателен, и в автобус слева врезался пикап и смял левую переднюю часть автобуса и выбил водителя из сиденья в проем, где лестница и вход в автобус, и там он сломал руку и, по-моему, ногу, и довольно сильно порезал голову. Так что пришлось остановиться и дождаться скорой помощи для водителя и нового автобуса для нас. Водитель невероятно расстроился. Он был уверен, что потеряет работу, потому что запорол поворот и попал в аварию, и еще потому, что не пристегнул ремень безопасности — очевидным доказательством чему был факт, что его выбило из сиденья в проем, что видели все и подтвердят, что видели — а это противозаконно для водителей автобуса в, по сути, всех штатах страны. Он едва не плакал, потому что, как он сказал, у него было семьдесят детей и ему правда очень нужна эта работа, а теперь его уволят. Пара пассажиров пыталась его успокоить и утешить, но, по понятным причинам, ко мне никто не подходил. Только я и Плохое, да. Наконец водитель просто как бы отключился из-за сломанных костей и пореза, приехала скорая, и его положили под покрывало ржавого цвета. Из заката появился новый автобус, и на нем еще приехал главный по автобусам или кто-то в этом роде, и он реально разозлился, когда кто-то из невероятно полезных пассажиров пересказал ему, что случилось. Я знал, что водителя, скорее всего, уволят, как он и боялся. Мне стало его невероятно жалко, и, конечно, Плохое услужливо профильтровало эту грусть и сделало ее во сто крат хуже. Как ни странно и иррационально, но внезапно я реально сильно почувствовал, будто водитель реально был *мной*. Я реально так почувствовал. Так что я почувствовал, как он наверняка себя чувствовал, и это было ужасно. Мне было не просто жалко его, мне было жалко как ему,

или что-то в этом роде. Все благодаря Плохому. Вдруг мне захотелось пойти куда-нибудь, как можно быстрее, и я пошел к носилкам водителя в открытой скорой, и посмотрел на него, да. У него был бейджик автобусной компании с именем и фотографией, но я правда не мог ничего разобрать, потому что имя было залито кровью с головы. Я взял свои примерно сто долларов и пакет марихуаны «сенсимилья» и засунул ему под ржавое покрывало, чтобы помочь прокормить детей и чтобы не тошнило, и реально быстро отошел, собрал свои вещи и сел в новый автобус. Только через, ну сколько, полчаса, на ночном шоссе, я осознал, что когда у водителя найдут марихуану, подумают, что она была его, и его *правда* уволят, а то и посадят в тюрьму. Я как бы подставил его, убил, только он еще был мной, как я думал, так что я совсем запутался. Я как будто символически убил себя или что-то в этом духе, потому что в каком-то глубоком смысле я считал себя им. По-моему, в этот момент я почувствовал себя хуже, чем за всю жизнь, не считая только спинномозговой пункции, и ощущение это было совсем незнакомым. Доктор Кабламбус сказал, что вот тогда Плохое и взяло меня за яйца. Это правда его слова. Мне правда очень жаль, что я и Плохое так поступили с водителем. Я правда только искренне хотел помочь, будто он был мной. Но вместо этого я его как бы убил.

Когда я вернулся домой, и родители сказали «Эй, привет, мы тебя любим, поздравляем», а я ответил «Привет, привет, спасибо, спасибо», у меня вовсе не было, должен признаться, «праздничного настроения» — из-за Плохого, и из-за водителя, и из-за того, что мы трое во всех важных аспектах были одним и тем же.

Крайне нелепый случай произошел в Сочельник. Очень глупый, но, думаю, почти как бы неминуемый, учитывая, что произошло перед этим. Можно сказать, я уже более-менее убивал себя во время осеннего семестра, и символически убил себя в водителе, и теперь, как послушному маленькому солдатику, мне надо было все это «формализовать», сделать все аккуратно и прямоугольно и внешне; выровнять бумагу в пачке и подоткнуть все углы. Пока мама и папа и сестры и Бабуля и Дед и дядя Майкл и тетя Салли пили внизу коктейли и слушали прекрасную и смертельно печальную запись о мальчике-калеке и трех королях в Рождественскую ночь, я разделся и налил полную ванную теплой воды и лег и еще бросил в нее около трех тысяч электрических приборов. Однако непревзойденная глупость этого инцидента довершилась тем, что я в невменяемом состоянии разумно отключил большинство приборов. Только пара действительно работали, но их хватило, чтобы отрубить

электричество во всем доме и поднять переполох и, конечно же, маленько меня тряхнуть, после чего меня и пришлось положить в больницу для физического ухода. Не знаю, стоит ли это говорить, но сильнее всего повредило мои репродуктивные органы. Думаю, они были как бы наполовину высунуты из воды, и создали как бы мост для электричества между водой, моим телом и воздухом. Но неважно, они сильно повредились и мне сказали, что в случае, если я захочу завести семью или что-то в этом роде, будут серьезные последствия. Это меня не очень заботило. Но моих родных инцидент озаботил; они, как минимум, совсем не обрадовались. Я как бы отключился или уснул, но помню, как слышал шипение воды, их приход и возглас «О боже мой, эй!», и помню, им пришлось трудно, потому что в ванной было совершенно темно и разобрать можно было более-менее только меня. Доставать меня пришлось чрезвычайно осторожно, потому что они боялись, что их тоже ударит током. Мне этот страх совершенно понятен.

Как только прошла пара дней и стало ясно, что мальчик и репродуктивные органы пережили инцидент, я вертикально переехал на Белый этаж. Насчет Белого Этажа — Этажа Маленького Несчастного Солдатика — я правда не хочу вдаваться в детали. Но кое-что расскажу. Белый Этаж был, очевидно, белым, но не ярко, режуще белым, как ожоговое отделение. Скорее мягкий, почти сероватый белый, очень ласковый и успокаивающий. Когда я теперь все вспоминаю, Белый Этаж кажется во всем мягким и невнушительным и… *скромным*, будто там правда не хотели произвести большое или сильное впечатление на гостей — на их разум или чувства — потому что знали, что почти любое впечатление для тех, кого переводили на Белый Этаж, скорее всего станет плохим впечатлением после фильтрации Плохим.

На Белом Этаже были мягко-белые стены и мягкий светло-коричневый ковролин, а окна как бы заиндевевшие и очень толстые. Острые углы на всем, вроде вешалок и прикроватных тумбочек и дверей, были скошены и отшлифованы, круглые и гладкие, и это казалось немного странным. Никогда не слышал, чтобы кто-то пытался покончить с собой об острый угол двери, но, полагаю, разумно быть готовым ко всем возможностям. Именно памятуя об этом, уверен, они сделали так, что всю еду можно было есть без ножа или вилки. Пудинг на Белом Этаже был главным блюдом. Пока я там гостил, мне приходилось кое-что надевать, но меня точно не привязывали ремнями к кровати, как некоторых моих коллег. Носить пришлось не смирительную рубашку, но она была точно уже, чем обычный халат, и мне

казалось, ее могли сделать еще уже, если бы это было в моих интересах. Когда кто-то хотел покурить сигарету с табаком, зажигала ее сестра, потому что никому на Белом Этаже не разрешалось иметь спички. Также помню, что пахло на Белом Этаже куда приятнее, чем во всей больнице, очень женственно и как-то сказочно, словно эфиром.

Доктор Кабламбус хотел знать, как дела, и я более-менее пересказал ему все за шесть минут. Я слишком устал и перенервничал, чтобы Плохое было суперплохим, но был довольно говорлив. Мне очень понравился доктор Кабламбус, хоть он постоянно сосал конфеты с очень неприятным запахом — оказывается, чтобы бросить курить — и немного раздражало, что он пытался говорить, как подросток — часто ругаясь и т. д. — когда было довольно очевидно, что он не ребенок. Но он был очень понимающий, и было жутко приятно видеть для разнообразия врача, который не собирался что-то делать с моими репродуктивными органами. Узнав всю суть, доктор Кабламбус выложил все варианты мне, а потом родителям и мне. Когда мы вместе решили не конвульсировать меня электричеством, доктор Кабламбус велел готовиться покинуть Землю с помощью антидепрессантов.

Прежде, чем что-либо рассказать о докторе Кабламбусе или моем маленьком путешествии, я хочу очень кратко поведать о встрече с одной коллегой с Белого Этажа, которой сейчас уже нет с нами, но совсем не по ее вине, а скорее по вине ее бойфренда, который убил ее вождением в нетрезвом виде. Моя встреча и знакомство с этой девушкой по имени Мэй даже сейчас более-менее кажется мне последней хорошей вещью, что случилась со мной на Земле. Однажды я познакомился с Мэй в комнате с телевизором потому, что она надела водолазку наизнанку. Помню, шли «Пострелята»[4], и я заметил белокурый затылок, неясно, мужчины или женщины, да, потому что волосы были короткие и растрепанные. А под затылком был размер и ярлычок из ткани и белый шовчик, указывающие на факт, что кое у кого водолазка наизнанку. И я сказал: «Извините, вы знаете, что у вас водолазка наизнанку?» И девушка, которая оказалась Мэй, повернулась и ответила: «Да, знаю». Когда она повернулась, я не мог не заметить, что она, к сожалению, была очень красивая, а я до этого не понял, что это красивая девушка, иначе бы почти наверняка ничего вообще не сказал бы. Я всегда старался не говорить с красивыми девушками, потому что они оказывают на меня мощный эффект, из-за которого у меня отключаются все части мозга, кроме той, что говорит невероятно глупые вещи, и той, которая знает, что я говорю невероятно глупые вещи. Но к

этому времени я слишком устал и перенервничал, чтобы беспокоиться, и как раз готовился покинуть Землю, так что сказал то, что думал, хотя Мэй и была пугающе красивой. Я спросил: «Зачем ты надела ее наизнанку?», имея в виду водолазку. А Мэй ответила: «Потому что ярлычок царапает шею, а мне это не нравится». По понятным причинам я спросил: «Ну, эй, а почему ты просто не отрежешь ярлычок?» На что, помню, Мэй заявила: «Потому что тогда я не пойму, где у водолазки перед». «Что?» — сказал я, на что Мэй разумно заметила: «На ней нет ни карманов, ни надписей, ничего, впереди все так же, как и сзади. Только сзади еще есть ярлычок. Так что иначе я не различу». Тогда я сказал: «Ну, эй, если спереди так же, как сзади, тогда какая разница, как носить?» В этот момент Мэй очень серьезно смотрела на меня где-то одиннадцать лет, а потом сказала: «Для меня разница есть». А потом широко и смертельно красиво улыбнулась и тактично спросила, откуда у меня шрам. Я ответил, что у меня из щеки торчал раздражающий ярлычок…

Так что более-менее случайно мы с Мэй стали друзьями, и часто разговаривали. Она хотела зарабатывать написанием придуманных историй. Я сказал, что не знал, что такое возможно. Бойфренд убил ее по пьяни на своей машине всего десять дней назад. Я пытался позвонить родителям Мэй, чтобы сказать, что невероятно сочувствую, но их автоответчик сообщил, что мистер и миссис Акульпа уехали из города на неопределенное время. Я могу их понять, потому что и сам «уехал из города».

Доктор Кабламбус очень много знал о психофармацевтике. Он сказал нам с родителями, что есть два главных вида антидепрессантов: трициклические и ингибиторы МАО (не помню, что точно означает «МАО», но у меня есть насчет этого мысли). Оказывается, оба вида хорошо помогают, но мистер Кабламбус сказал, что при приеме ингибиторов МАО нельзя кое-что есть и пить, например пиво и определенные виды сосисок. Мама боялась, что я забуду и съем или выпью что-нибудь из этого списка, так что мы посовещались и решили выбрать трициклические. Доктор Кабламбус считал, что это хороший выбор.

Как и в долгом путешествии не сразу достигаешь пункта назначения, так и с антидепрессантами дозу надо повышать постепенно: т. е. начинаешь с очень маленькой и доходишь до полноценной, чтобы к этому привыкла кровь и все такое. Так что с одной стороны мое путешествие на планету Триллафон заняло неделю. Но, с другой стороны, я как будто покинул Землю и оказался на планете Триллафон в первое же утро после приема. Огромная разница между Землей и планетой Триллафон,

конечно, в расстоянии: планета Триллафон очень-очень далеко. Но есть и другие отличия, более мгновенные и существенные: по-моему, воздух на планете Триллафон не так богат кислородом или полезными веществами, или чем там еще, потому что устаешь там намного быстрее. Всего лишь почистив дорожку от снега, или побежав за автобусом, или закинув пару мячей в корзину, или поднявшись на холм, чтобы скатиться, очень-очень устаешь. Еще немного раздражает, что у планеты Триллафон чуть-чуть другой наклон оси или что-то такое, так что, когда смотришь на землю, она не кажется ровной; кренится немного на правый борт. Но к этому довольно быстро привыкаешь, как к качке на корабле.

Еще планета Триллафон — очень сонная планета. Надо принимать антидепрессанты вечером, и лучше рядом с кроватью, потому что после принятия очень скоро пора будет ложиться спать. Даже днем житель планеты Триллафон очень сонный маленький солдатик. Сонный и усталый, но зато без всяких суперпроблем.

Это никак не связано с очень нелепым инцидентом в ванной на Сочельник, но в планете Триллафон есть что-то электрическое. Там нет моей старой проблемы, когда голова превращала тишину в сверкающие блестки, потому что трициклический антидепрессант — «Тофранил» — сам делает такие электрические звуки, что могут совершенно заглушить сверканье. Новый звук не особо невероятно приятный, но куда лучше старых, которые я правда совсем не переносил. Новый звук на моей планете — как бы трель электричества высокого напряжения. Вот почему почти год, когда на глаза попадался пузырек, я читал название антидепрессанта неправильно: звал его «Триллафон» вместо «Тофранил», потому что «Триллафон» более трельный и электрический, и звучит почти так же, как и когда там находишься. Но электричественность планеты Триллафон — не только звук. Думаю, будь я говорливей, как Мэй, я бы сказал, что «планету Триллафон характеризует более электрический образ жизни». Так и есть, в общем. Иногда на планете Триллафон волосы под мышками встают дыбом, и по большим мышцам ног пробегает холодок, и, если закрыть рот, зубы вибрируют, будто стоишь под линией высокого напряжения, или у трансформатора. Иногда без всяких причин скрипишь и видишь синие вспышки. И даже голос разума, когда думаешь про себя мысли, на планете Триллафон не такой, как на Земле; теперь он будто исходит из как бы спикера, подсоединенного через километры проводов, как когда слушаешь «Золотые дни радио».

На планете Триллафон очень трудно читать, но это

небольшое неудобство, потому что я теперь почти не читаю, не считая журнала «Ньюсвик», подписку на который мне подарили на день рождения. Мне теперь двадцать один год.

Мэй было семнадцать. Сейчас я иногда шучу про себя и говорю, что надо бы переключиться на ингибитор МАО. Инициалы Мэй — М. А., и когда я ее вспоминаю, мне становится грустно и я как бы говорю «О!» Так что по понятным причинам мне надо принимать «М. А.: О». Уверен, доктор Кабламбус согласился бы, что это в моих лучших интересах. Если бы у водителя автобуса, которого я более-менее убил, были инициалы М. А., это было бы невероятно иронично.

Связь между Землей и планетой Триллафон плохая, но очень недорогая, так что я определенно наверно позвоню семье Акульпа, чтобы сказать, как мне жаль их дочку, и что я даже может быть более-менее ее любил.

Важный вопрос — есть Плохое на планете Триллафон или нет. Я не знаю. Может, ему тяжелее живется в более разреженной и менее питательной атмосфере. Мне так точно, в некотором смысле. Иногда, когда я о нем не думаю, мне кажется, что я совершенно сбежал от Плохого и что смогу вести Нормальную и Продуктивную Жизнь адвоката или кого-нибудь еще тут, на планете Триллафон, и как только это случится, я снова начну читать.

Жизнь так далеко от Земли в чем-то помогает относительно Плохого.

Вот только это просто крайне глупые мысли, если учесть, что Плохое на самом деле реально

1984

Дэвид Уоллес, годы выпуска '85, интересуется философией и писательским мастерством. Насколько нам известно, он никогда не покидал нашей планеты.

notes

1

Сеть магазинов одежды.

2

Название университета — букв. коричневый.

3

Имеется в виду Вторая медитация из «Медитации о первой философии».

4

Черно-белое скетч-шоу «The Little Rascals».